

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК. 294.38

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-244-251

МИССИЯ ТЕОЛОГА В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ КАРЛА БАРТА

THE MISSION THEOLOGIAN IN THE DIALECTICAL PHILOSOPHY OF RELIGION KARL BARTH

С.А. Колесников

S.A. Kolesnikov

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia

E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема теологического существования на материале философско-богословских исследований Карла Барта. Выявляется параметрический комплекс теологического исследования, который являлся ведущим для профессиональной деятельности К. Барта. Органическое слияние теологии и экзистенции, которое осуществил в своей профессиональной деятельности К. Барт, определило систему ценностей «теологического существования»: созидательно-взрывчатый характер богословского исследования, парадоксальность, серьезность, способность к сакральному вслушиванию, метафизическое удивление, верность теологическому призванию, готовность к риску теологического поиска. «Теология взрыва», ставшая методологическим принципом подходов К. Барта, обусловила динамику его научной и профессиональной эволюции. В основе этого подхода лежит созидательная стратегия построения радикальных смыслов-взрывов, выстраивающихся в концептуальную цепь теологических исследований. Весь параметрический комплекс складывается в понятие теологической миссии, основанной на благодати и самом праве быть теологом.

Abstract

The article deals with the problem of theological existence on the basis of Carl Barth's philosophical-theological studies. In the context of the stated problems, the parametric complex of theological research, which was the leading one for K. Bart's professional activity, is revealed. An organic fusion of theology and existence, which he carried out in his professional activity. Bart, determined the system of values of "theological existence": the creative-explosive nature of theological study, the paradox, the seriousness, the ability to sacral listening, metaphysical wonder, loyalty to a theological vocation, a willingness to risk the theological search. "Theology of the explosion", which became the methodological principle of K. Bart's approaches, determined the dynamics of his scientific and professional evolution. This approach is based on a creative strategy of building radical meanings-explosions, which are built in a conceptual chain of theological studies. All parametric complex formed in the theological concept of mission, based on grace and the law itself to be a theologian.

Ключевые слова: теология Карла Барта, диалектическая теология, теологическая миссия, парадокс и теология, параметры теологического существования, университетская теология.

Key words: Carl Barth theology, dialectical theology, theological mission, paradox and theology, parameters of theological existence, University theology.

XX столетие, проходящее под метафизическое эхо кровавой эстафеты взрывов (1914 – промахивающе-фатальный взрыв ручной гранаты в Сараево, 1945 – ядерно-апокалипсические детонации в Хиросиме и Нагасаки) закономерно породило многоликую «культурологию взрыва»: от марксистской теории революционных взрывов и взрыво-теософической психоделики Андрея Белого («...взрывы в мире происходят от взрывов в самом Андрее Белом» [Валентинов, 2000, с. 63]) до концепции «культурного взрыва» Ю. Лотмана и идеологии транснационального «бомбизма» радикально-террористических группировок.

В этой непрекращающейся канонаде сложно распознаваемой артподготовки (кого – к чему?), в мозаичных детонациях «разрушений, уплотнений и перемещений окружающей среды» [Вовк, 1979, с. 6], в интеллектуально-хаотическом ландшафте «взрывов невнятиц и взрывов пустот» (Андрей Белый) особой «взрывотехнологической» – взрыво-теологической! – тональностью резонировал во втором, кардинально переработанном издании 1922 г. богословский трактат Карла Барта (1886–1968) «Послание к Римлянам», названный «бомбой в богословской песочнице» (К. Адам) [Барт, 2016, VIII]. Взрывная мощь этого трактата, критическое выделение энергичности – в случае К. Барта интеллектуально-богословской – в сжатом пространстве европейской теологии XX века разорвала классический жанр евангельского комментария, создав особую среду «ни с чем не сравнимой энергии» (Х. Царнт) [Zahrnt, 1966, с. 39].

Фугасный эффект комментирующего текста К. Барта был четко обозначен как «удар по основной концепции буржуазной культуры конца XIX века – представлению об индивидуальном человеке в качестве творца культуры и истории» (Б. Мак-Кормак) [McCormack, 1995, с. 141]. Если развить метафору взрывоподобия теологической концепции К. Барта, то его первый публично заявленный текст сформировал максимальное «ударное сжатие конденсированных сред», в результате которого возникли «экстремально высокие концентрации энергии, превосходящие энергии связи, перестройка и возбуждение структур, фазовые превращения, высокоскоростная деформация и разрушение материала» [Даниленко, 2010, с. 12]. И таким разрушаемым материалом стала «модерн-теология» в лице Ф. Шлейермахера и Э. Трельча: зона максимального поражения ударного воздействия трактата Барта приходилась на идеи западной либерально-модернистской теологии о соотнесенности «коммуникаций» Бога и человека, а также о возможностях и перспективах богословской миссии в современном мире.

Но вместе с разрушительным импульсом концепция К. Барта явила уникальный пример нового типа богословия – созидательного «богословствования взрывом». Консонансный принцип «философствования молотом» (Ф. Ницше) здесь можно рассматривать как запал для первого «взрыва» Барта (показательно, что запал этот для позднего Барта уже оказывается полностью сожженным: в «Церковной догматике» имя Ницше практически не встречается, уже сама ономастика этого многотомного трактата постулирует испепеление любого поминания автора «Заратустры»). Взрывотехнология Барта формирует и его собственную теологию, ведь во втором издании «Послания к римлянам» (1922) он четко заявляет о подрыве первого (1919): «...мне нет нужды оправдываться в том, что сегодня я предлагаю эту книгу в новой обработке – в ней от первого издания практически не осталось камня на камне» [Барт, 2016, с. XXIX]. Преображение разрушительности взрыва в созидательное действие – ключевой метод теологии Барта. Технология его теологии подобна «сварке взрывом»: разве диалектическая теология, основателем которой считается К. Барт (С.С. Аверинцев: «Манифестом диалектической теологии явилась книга Барта "Der Römerbrief"») [Современная..., 1991, с. 95]), не есть приведение в движение контролируемым «взрывом» концептуально-теологических пластов, что приводит к их пластич-

но-диалектическому сращению? Но и на этом взрывчатая энергия, активированная Бартом, не останавливается. Уже в период написания «Церковной догматики» диалектическая теология как концептуально-единое направление разлетается – в соответствии со своим внутренним запущенным таймером-взрывателем – на осколки «демифологизирующей теологии» Р. Бульмана, «систематической теологии» П. Тиллиха, «естественной теологии» Э. Бруннера...

«Взрывотехнический» резонанс определял и внешнее восприятие трудов К. Барта. Когда Дж. Франк настаивал на актуальности теологии Барта: «Барта читают – и читают *in extensio*» [Барт, 2016, с. XII], то именно взрыво-расширительная экстенсивность, т.е. внешнее распространение богословско-интеллектуальной энергии, становится главным средством воздействия на сознание читателя/паствы. Как раз виртуозность в контроле над процессами взрывания/разрывания и соединения/сращения теологических идей придают концепции К. Барта формат пророческого документа эпохи и формируют особое понимание миссии теологии и теолога в современном мире.

Метафора взрыва позволяет увидеть еще один важный аспект теолого-миссиологической позиции К. Барта: предельно-серьезнейшую детонацию парадокса. Одно из имен-призываний диалектической теологии – теология парадокса (и это не «Theologica Paradoxa» М. Лютера, не тео-логика парадокса, где семантическое ударение зависит над парадоксальностью («Для Лютера суть веры — это парадокс, неразрешимое противоречие...» (О.Э. Душин) [2016, с. 19] – Барт акцентирует прежде всего теологический аспект при вторичности парадоксальности). С помощью направленного «взрыва» своей теологической методикой Барт добирается до мета-глубин парадокса, взрывая и сам парадокс, преодолевая его «скандальность» («Познание, сообщаемое парадоксом происходит внезапно, в модусе буквально и переносно понимаемого *σκάνδαλον* (запор на ловушке)» (В. Шмид) [2001, с. 14]), уловленность парадоксом-ловушкой.

Парадокс превращается в пара-докс, *пара-докέω* – кажущееся, призрачное, испаряющееся и само испаряемое под ударом взрывной волны теологической мысли. В «Послании римлянам» Барт, говоря о взрывно-прорывном призывании теологии, формулирует: «Здесь заключается трагический парадокс: то, чем мы здесь и сейчас, в психолого-исторической действительности этого человека в этом мире, могли бы менее всего пренебречь как актом обращения к чужбине... именно это как акт, как установка вершины человеческих возможностей есть прорыв, катастрофа человеческой невозможности по отношению к Богу, именно это – то, что, с точки зрения Бога, должно быть оставлено» [Барт, 2016, с. 231]. Изничтожаемость заповеданного, взрываемость самого парадокса, взлетание над духовной «чужбинностью» – все это объединяется Бартом в богословствовании взрывом. Разрыв, создаваемый управляемой детонацией парадокса, превращается в просвет, на который и предлагает двигаться Барт. Как взрыв возможен только в процессе безостановочного движения, так и «парадокс держит наблюдателя в постоянном движении» [Шмид, 2001, с. 14]. Такой тип «движения», согласно Барту, и формирует миссию теолога.

Всепронизанность христианской теологии парадоксальностью для К. Барта сопоставима только с ее взрывным характером, и данная позиция концептуальна как для раннего (периода «Послания Римлянам»), так и для позднего (времени «Толкований посланий к Римлянам и Филиппийцам») Барта. Теолог, принимающий «картину мира без парадокса и без вечности, знание без фона незнания... без воспоминания противостоящего нам “нет!”» [Барт, 2001, с. 22], теолог без-парадоксальный и, тем более, анти-парадоксальный, уподоблен псевдомудрецам-глупцам апостольского «Послания» (Рим.: 1-22). Теологическая система, не принимающая парадокса, близорука: теологический «метод видит веру, ибо обладает верующими очами, ибо он знает, что такое вера: невозможное, которое возможно... парадокс, которым непосредственно видимое бытие, обладание и действие человека ограничено, поставлено под вопрос и в конце концов – утверждено и основано» [Барт, 2001, с. 95]. Парадоксальность христианства – «Он всегда убивает, чтобы оживотворить»

[Барт, 2010, с. 36], «чем удивительнее факт, тем он определеннее, поскольку он превышает всякий разум, он есть истинный мир» [Барт, 2010, с. 55] (цитирование можно продолжать), – определяет для Барта парадоксальность христианского богословствования.

Траектория теологического «движения», теологической миссии определяется взрывообразным ландшафтом парадокса, по которому продвигается христианская мысль. В «контекст» этого рельефа включены подчас принципиально несопоставимые пространства: это может быть и «путь глубокого исследования и рассмотрения», в соответствии с которым движутся первые части «Послания к Римлянам», но также и «нечто подобное движению по пересеченной местности, где мы более не можем понять принцип выбора и последовательности обсуждаемых или всего лишь затронутых вопросов» [Барт, 2016, с. 151]. Архитектоника парадокса определяет траектории теологического поиска, Барт говорит об архитектонике богословского наития, которая именно в парадоксальности находит подтверждение своей истинности. Истина христианства не вписывается, настаивает Барт, в одномерность вне-парадоксального морализаторства, она требует «параллельного» мира, где «параклесисно» преобразуются «вещи этого мира»: «Павел хочет поставить свое апостольское параклесис («увещевание») в свет его источника, в котором оно отличается от всякого морального поучения» [Барт, 2001, с. 238]. Семантика приставки «пара-» (*пара-*) в своей синонимичности ино-бытийности маркирует вопрошание о принципиальной возможности парадоксального богословия, которое для Барта и начинается с онтологической всепронизанности парадоксом, с пересечения параллельных линий в оптическом прицеле направленного теологического взрыва/прорыва между мирами – мирским и небесным.

Так моделируется «геометрия» богословствования взрывом: реально-реализованное парадоксальное богословие выдает координаты точки, с которой начинается главное дело теологии («Есть одна точка, которая несравненно выше всей земной проблематики, и там – радость... Только делом можно обрести эту высшую точку. Павел показывает своим читателям, что его намерение, так сказать, – втянуть их в это дело» («Толкование Послания к Филиппийцам» [Барт, 2010, с. 262])). Нахождение-прохождение по *пара-*-лельным – неслиянным и единосущным! – струнам теологического «делания» придает богословию взрыва/разрывания тональности возрадования; богословствование взрывом отзывается трансцендентным эхом, при котором «теологией ее делает не ее собственное слово ответа, а то Слово, которое она слышит и на которое отвечает» [Барт, 2006, с. 19]. Акустика богословского взрывания обретает филолого-гармонические параметры, в *пара-*-метризме которых и определяется специфика теологической миссии как особого слышания, особой звуко-хроматической температуры, выстраивающей богословствование в унисон с отыскиваемым Словом.

Такое понимание глубинно-корневой (с обертонами акустики «прорастающего зерна» (В. Ходасевич)) филологичности теологической миссии, точнее ее филологосности, выводит Барта к проблеме пара-нормальности и пара-нормативности теологии.

Концепция Барта, выступившая антитезой модернистской теологии, выдвинула парадокс как импульс богословской мысли, но и одновременно обозначила генетическое родство парадокса – прежде всего в области теологии! – с доксой, с догматикой. Глубинный «эндоксальный фон, являющийся условием для парадоксального “скандала”» [Шмид, 2001, с. 16], для теологии служит гарантией ее состоятельности, ее укорененности в особом нормативе. Радикальный (или даже сценично-срежиссированный: случай «пара-(около)-христианства») отказ от нормативности церковной догматики превращает парадоксальное богословствование взрывом в пародию, что совершенно неприемлемо для Барта.

Противопоставление пара-докса и пародии, обнаруживающее себя в диаметрально противоположном истолковании префиксальной семантики (*пара-*-δία: «пение наизнанку»), связывает, «религизирует» мысль Барта с идеей антипародийности С. Кьеркегора. В «Философских крохах» Кьеркегор фиксирует: «Человек, который пародирует другого, не изобретает ничего, а только копирует «наоборот». Чем сильнее страсть, тем ярче видна

парадоксальность. Вера – это особое измерение мышления, которое «нормальному» рассудку представляется безумием. Именно парадокс ведет к разрыву бытия. Вера открывается человеку, дошедшему до края, когда не остается никакой другой возможности» [Бесс, 2005, с. 87]. Парадоксальная нормативность – то, что верифицирует теологию. Пародийность же в теологических построениях, превращение в теологический симулякр, в «как бы» теологию лишает такой подход права на теологический статус.

Как нельзя спародировать взрыв, не будучи взорванным, как невозможно сцениграфировать святомученические страдания, не став мучеником, так же нельзя спародировать парадокс, прежде всего, в теологии. Драматургия миракля раннего Возрождения, даже с применением самых экстравагантных «сценических чудес», – «...в сцене сожжения Варнавы запах жженого человеческого тела от манекена, наполненного костями и кишками, давал полную иллюзию ужасной казни» [Боянус, 1924, с. 76] (это, видимо, один из самых ранних вариантов 4D-схронизации) – никогда не могла претвориться в литургичность именно в силу своей принципиальной пародийности. Титанические усилия по приданию жизненности религиозным фрагментам приводили в своем радикальнолицедейском экстриме только к несчастному случаю: реально обгорающие, истекающие настоящей кровью, получающие серьезные ранения (сцены вырывания языка св. Аполлонии огромными железными щипцами, зафиксированные на гравюрах Жана Фуке (1420–1481)), с вывернутыми в плечевых суставах руками (средневековый священник Николь из Эльзаса висел на кресте во все время произнесения 3 400 стихов) актеры все же оставались только пародистами, но не мучениками. Несчастный случай, тем более, возникающий в результате пародии, не становится залогом теологического истолкования мира. Настаивая на инородности пародии, пусть даже осуществляемой с титаническими усилиями, в теологических текстах К. Барт реанимирует традицию противопоставления титанизма подлинно христианскому мироощущению: «Насколько мы не в состоянии бодрствовать с Христом всего лишь час, настолько мы не в состоянии перенести парадоксальность нашего жизненного положения, постоянно пытаюсь удовлетворить наше желание равновесия с помощью того или иного титанизма» [Барт, 2016, с. 340]. Христиански выверенное мировидение, как и христианско-теологический фрагмент, отторгают сцениграфическую игривость даже в самых жестких формах, и залогом этой серьезности становится парадокс.

Проблема серьезности теологии, категориальный аппарат теологической серьезности включает особый алгоритм построения нового в теологической мысли. А.Л. Устименко, описывая параметры «серьезности», отмечает: «Точка крайней озабоченности знаменует собой начало того, с чего все начинает быть, жизнь человека окутывает состояние предельной "серьезности". Именно из глубины "серьезности", из места равнопротивостояния жизни (что "есть") и вопроса "что" есть появляется подлинное движение внутри проблематичного, всегда заканчиваемого появлением "нового"... Серьезность выступает единственно должным фоном любого "открытия", являясь экзистенциальным ответом на "ложность" существующего знания...» [Устименко, 2010, с. 75]. Антитеза серьезность/ложность, обретающая буквально антифонное (*αντίφωνος* – ответный, откликающийся) звучание, переводит в теологическом регистре категорию серьезности в разряд эпистемологического инструментария, позволяющего теологии развиваться, двигаться к открытию нового. Теологическая серьезность вытекает из апостольского призыва («Трезвитесь...» (1 Пет. 5: 8)) к бдительности, и именно этот аспект богословской внимательности подчеркивает Барт в своих теологических изысканиях.

Теологическое трезвение, являющее себя в серьезности, не есть «веселая наука» (Ницше), не вписывается в «смеховую культуру»; только серьезность способна выступить инструментальным медиатором между верой и разумом: «Серьезность переводит состояние веры в состояние разума, утвердительную форму жизни в вопросительную плоскость, неосознаваемое в осознаваемое. Серьезность бодрствует, побуждает, заводит. Открывая путь "новому", она ничего не разрушает из старого, не вредит известному, а, наоборот,

задерживаясь на нем, созидает его иное, чтобы затем правильно разместить это иное в системе координат всего, что "есть" и дано верой» [Устименко, 2010, с. 76]. В контексте такого понимания серьезности Барт постулирует парадоксально-взывающий метод серьезного, вне-игрового богословия: «Как богословы, мы обязаны говорить о Боге. Но мы люди, и значит, говорить о Нем не можем. Мы должны сознавать и эту нашу обязанность, и эту нашу неспособность, и этим воздавать славу Богу. Вот какой груз лежит на наших плечах. По сравнению с этим все прочее – детская игра» [Барт, 2016, с. XIX]. Для Барта вне-игровость теологии принципиальна, пляска разума, порождающая анти-нормативную, анти-нормальную, анти-трезвую скандальность, *скандалов*, неприемлема. Трезвенный и отрезвляющий взрыв-парадокс в своей серьезности формирует контуры теологической нормативности, выводит к проблеме богословской нормы.

Апостол Павел в презентациях Барта предстает в виде анти-скандальной стратегии в органическом единстве серьезности, взрывчатости и парадоксальности. При этом «абсолютное» апостольство не есть теология; для Барта апостольство в своей глубинной паранормальности становится воплощением того Божественного парадоксального «Нет» («нет» Бога – абсолютно, оно есть и Его "да"») [Барт, 2016, с. 12]), теологическое рассмотрение которого невозможно.

Но уникальность фигуры Павла состоит еще и в том, что он сочетал как апостольство, так и теологичность, причем, если апостольство не может быть сведено к проблеме нормативности, то *теологичность, т.е. характеристика особого образа реальности, основанного на признании Божественного творения как базисного принципа мироустройства и на признании интенциональности (смыслоформированности) бытия по отношению к целям, определенным Божественной волей*, неизбежно требует такой нормативности, пусть даже и с включением парадоксальности.

Проблема нормативности теологии тесно связана как с нормой истины, так и с истинностью нормы. В контексте этой проблематики расширяется эпистемологический горизонт Барта, в котором интегрируются идеи Б. Паскаля и С. Кьеркегора («Объединяющий Паскаля и Кьеркегора исходный пункт – «парадокс человеческой природы». Он задает вектор их исследовательского проекта и ставит под вопрос норму истины (*veritatis norma*) современного обоим мыслителям знания» (Л.В. Цыпина) [Цыпина, 2016, с. 65]). Именно в поле «*veritatis norma*» Барт формулирует проблему нормативности теологии, перерастая/прорастая эпистемологическое «отступничество» Кьеркегора и Паскаля...

Теологический метод апостола Павла может стать примером органического единства открывающей новое знание парадоксальной эпистемологии и богословской нормативности. Задачей для современной теологии Барт видит в возвращении в точку, предшествующую вопросу Пилата, в точку отсчета «модернизирующего» процесса, по своему существу обратного взрыво-открывающему методу Павла и – через тысячелетия – Карла Барта. Серьезная взволнованность Барта различием между современностью и апостольскими временами вытекает именно из стремления прокрутить назад теолого-эпистемологический таймер и увидеть тот момент начинающегося расхождения между взглядом апостолов и «модернизаторов» христианства: «Разница между нашим и апостольским мышлением – не потому, что то было древним, а наше является современным, но потому, что мы вместе с предметом апостольского мышления должны вновь обрести и его категории» [Барт, 2010, с. 54]. Категориальность апостольской теологии как раз и определяет структуру нормативности теологичности в целом. Скандальность – как пародия, как претензия на модернизацию, как процедура/ловушка о-современивания, в результате как анти-нормативность – недопустима для теологии Барта. Ситуация, когда *скандалов*, крючок «модерна» а-la Пилат, захлопнул ловушку скептической а-нормативности, должна быть «разрушена» взрывом нормативной теологии, стремящейся воскресить теологический метод апостола Павла.

Векторная геометрия – «геометрическое подобие кумулятивных зарядов» (В.В. Даниленко) [Даниленко, 2010, с. 187] – направленно-эпистемологического взрыва теологии

Карла Барта формируется из «атмосферы» серьезности, парадоксальности, нормативности и зарождается в глубинах субъективной личности. Теологическая истина, порождаемая богословствованием взрывом, когда «истина становится присвоением, внутренним, субъективностью, и главное здесь – экзистирова, полностью погрузиться в субъективность» [Кьеркегор, 2005, с. 209], становится таковой только соединившись с парадоксально-субъективной потаенностью, личной прикрепленностью к тайне. Сам Барт так фиксировал траекторию приближения к истине: «Как понимающий я должен дойти до той точки, где я нахожусь практически только перед загадкой *предмета*, а не перед загадкой *документа* как такового, где я почти забываю, что я – не автор, где я практически полностью понял, что могу дать автору говорить от моего имени и сам могу говорить от его имени» [Барт, 2016, с. XXXV]. Именно в этой хроно-точке происходит созидательный взрыв: взрыв рождения подлинного теолога, с этого момента миссия теолога становится его главным призванием и призыванием...

Список литературы References

1. Барт К. 2006. Введение в евангелическую теологию. М.: Центр Нарния.
Bart K. 2006. Vvedeniye v yevangelicheskuyu teologiyu [Introduction to Evangelical theology]. М.: Tsentr Narniya.
2. Барт К. 2016. Послание к Римлянам. М.: Издательство ББИ.
Bart K. 2016. Poslaniye k Rimlyanam [The Epistle to the Romans]. М.: Izdatel'stvo BBI.
3. Барт К. 2010. Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея.
Bart K. 2010. Tolkovanie Poslanij k Rimlyanam i Filippijcam [Interpretation of the Epistles to the Romans and Philippians]. М.: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyana.
4. Бесс Ж.М., Буассьер А. 2005. Философия. М.: АСТ: Астрель.
Bess Zh.M., Buass'yer A. 2005. Filosofiya [Philosophy]. М.: АСТ: Astrel'.
5. Боянус С.К. 1924. Средневековый театр. Петербург: ACADEMIA.
Boyanus S.K. 1924. Srednevekovyj teatr [Medieval theater]. Peterburg: ACADEMIA.
6. Валентинов Н. 2000. Два года с символистами. М.: XXI век – Согласие.
Valentinov N. 2000. Dva goda s simbolistami [Two years with symbolists]. М.: XXI vek. Soglasie.
7. Вовк А.А. 1979. Укрощение взрыва. Киев: Наукова думка.
Vovk A.A. 1979. Ukroshchenie vzryva [Taming the explosion]. Kiev: Naukova dumka.
8. Даниленко В.В. 2010. Взрыв: физика, техника, технология. М.: Энергоатомиздат.
Danilenko V.V. 2010. Vzryv: fizika, tekhnika, tekhnologiya [Explosion: physics, technology, technology]. М.: Energoatomizdat.
9. Душин О.Э. 2016. Мартин Лютер и средневековая схоластика: Pro et contra. – Вестник ПГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. 3: 10-21.
Dushin O.E. 2016. Martin Lyuter i srednevekovaya skholastika: Pro et contra [Martin Luther and medieval scholasticism: Pro et contra]. Vestnik PGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. Vyp. 3: 10-21.
10. Кьеркегор С. 2005. Заключительное ненаучное послесловие к философским крохам. СПб.: СПбГУ.
K'yerkegor S. 2005. Zaklyuchitel'noye nenauchnoye poslesloviye k filosofskim krokham [Concluding unscientific PostScript to philosophical crumbs]. SPb.: SPbGU.
11. Современная западная философия. 1991. М.: Политиздат.
Sovremennaya zapadnaya filosofiya. 1991. [Modern western philosophy] М.: Politizdat.
12. Устименко А.Л. 2010. О смысле и бессмысленности. Философия права. № 2. С. 72-83.
Ustimenko A.L. 2010. O smysle i bessmyslennosti [About meaning and meaninglessness]. Filosofiya prava. № 2. P. 72-83.
13. Цыпина Л.В. 2016. Отступники разума: Паскаль, Кьеркегор и диалектический парадокс человеческого существования. Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. Вып. 2. С. 60-72.
Tsyupina L.V. 2016. Otstupniki razuma: Paskal', K'yerkegor i dialekticheskiy pa-radoks che-lovescheskogo sushchestvovaniya [The Departed Mind: Pascal, Kierkegaard, and the dialectic para-radox

of human existence]. Vestnik SPbGU. Seriya 17. Filosofiya. Konflik-tologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye. Vyp. 2. S. 60-72.

14. Шмид В., 2001. Заметки о парадоксе. Парадоксы русской литературы: сб. статей. СПб.: ИНАПРЕСС.

Shmid V. 2001. Zametki o paradokse. Paradokxy russkoj literatury [Notes on the Paradox / Paradoxes of Russian Literature]: Sb. statej. SPb.: INAPRESS.

15. McCormack, Bruce. 1995. Karl Barth's Critically Realistic Dialectical Theology. Oxford: Clarendon Press.

16. Zahrnt, Heinz. 1966. The Question of God. New York: Harcourt, Brace & World.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Колесников С.А. 2019. Миссия теолога в диалектической философии религии Карла Барта. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 244–251. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-244-251

Kolesnikov S.A. 2019. The mission theologian in the dialectical philosophy of religion Karl Barth. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 244–251 (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-244-251